

НАСЕЛЕНИЕ И ПРОКРЕАЦИЯ

М.А.Клупт

Опубликовано в: Семья в России и Китае: процесс модернизации/Под ред. И.И.Елисеевой и Аньци Сюй// СПб:Нестор-История, 2015., с.15-29.

В данной главе мы рассмотрим изменения рождаемости в России за минувшие полвека, приведем краткий обзор теорий, объясняющих эти изменения, и предложим их интерпретацию, основанную на парадигме множественных современностей и институциональном подходе.

Динамика рождаемости в России в минувшие полвека: основные периоды

Динамика рождаемости в России в рассмотренном временном интервале включает пять периодов: 1) 1962–1980 гг.; 2) 1981–1987 гг.; 3) 1988–1999 гг.; 4) 2000–2006 гг.; 5) с 2007 г. по настоящее время (рис. 1). На протяжении первого периода рождаемость упала ниже уровня, обеспечивающего замещение родительского поколения поколением детей. Суммарный коэффициент рождаемости, составлявший в начале периода 2,63, к концу его снизился до 1,87. Доля внебрачных рождений в их общем числе достигла в 1968 г. своего минимума (10,3 %) и на протяжении остальной части периода составляла около 11 %.

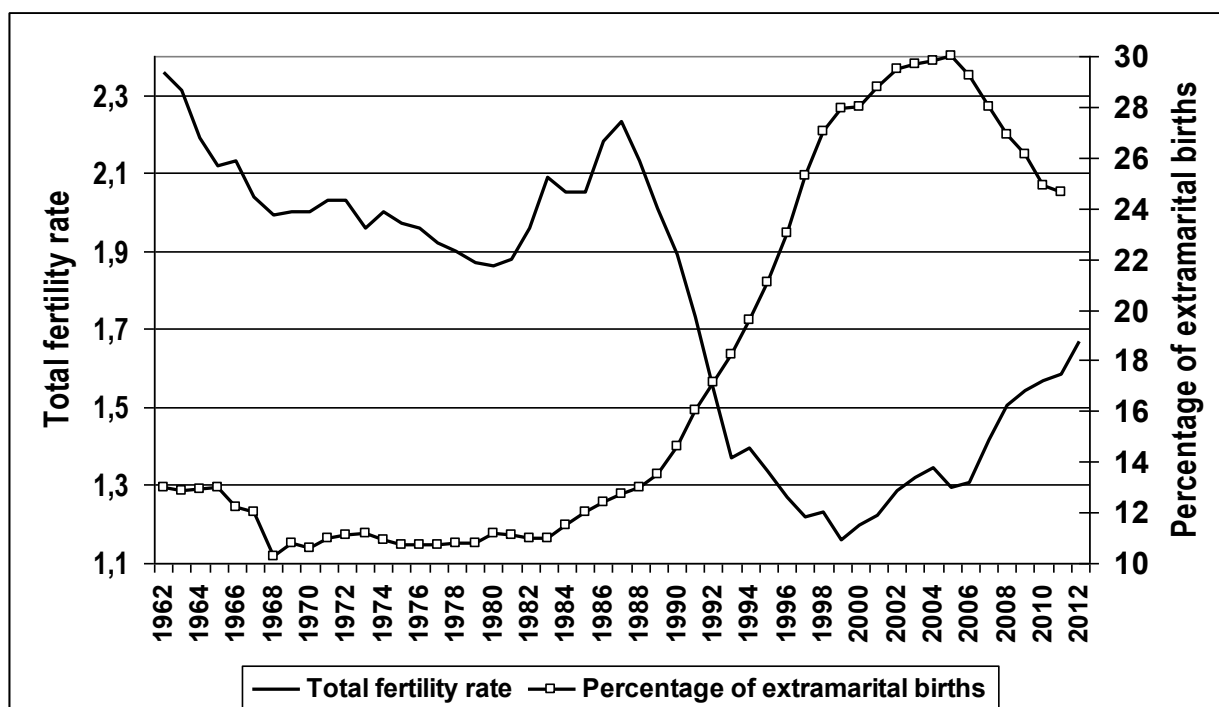

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости и доли внебрачных рождений в России в 1962–2012 гг.

Источники: (Демографический... 2012, с. 91, 168); (Социально-экономические... 2012); Демоскоп-Weekly. Электронное издание. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>; <http://demoscope.ru/weekly/app/app4013.php>

Начало второму периоду положили меры государственной демографической политики, осуществление которых началось в России в 1981 г. Эти меры были направлены на стимулирование рождаемости; наиболее значимой из них было предоставление матерям частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им одного года. Размер такой оплаты составлял примерно 30–40 % заработка начинающего специалиста. На протяжении рассматриваемого периода рождаемость в России вновь приблизилась к уровню простого воспроизводства, а на пике подъема даже превысила его. Доля внебрачных рождений начала медленно расти, однако к концу периода всё еще оставалась низкой по современным меркам – 12,7 % от общего числа рождений.

Третий период (1988–1999) приходится на кризис экономики СССР, предшествовавший его распаду, и начальный период рыночных реформ в России, сопровождавшийся тяжелым экономическим спадом. На протяжении этого периода произошло почти двукратное снижение суммарного коэффициента рождаемости, составлявшего 2,23 в 1987 г. и рухнувшего к концу периода до своего полувекового минимума – 1,16. В тот же период произошел резкий скачок доли внебрачных рождений с 12,7 % от общего числа рождений в 1987 г. до 27,9 % в 1999 г.

В четвертом периоде (2000–2006), который пришелся на годы экономического подъема, суммарный коэффициент рождаемости начал медленно расти – с 1,16 в 1999 г. до 1,31 в 2006 г. Доля внебрачных рождений в 2005 г. достигла своего максимума за полувековой период – 30,0 %.

Начало пятому периоду (с 2007 г. по настоящее время) положили меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости. Важнейшей из них стало введение материнского капитала – целевой денежной выплаты, правом на получение которой обладают гражданки Российской Федерации, родившие второго или последующих детей в период с 2007 по 2016 г. включительно¹. Данная выплата может быть израсходована только на определенные цели – улучшение жилищных условий или оплату образования ребенка, либо присоединена к пенсионным накоплениям матери. Материнский капитал ежегодно индексируется с учетом инфляции и составлял в 2013 г. около 409 тыс. руб., то есть примерно 80 тыс. юаней. Начиная с 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости начал непрерывно расти и, по предварительной приближенной оценке автора,

---

¹ В оговоренных законом особых случаях материнский капитал могут получать также ряд других категорий российских граждан.

составил 1,67 в 2012 г.² Общее число рождений в 2012 г. более чем в полтора раза (на 56,1 %) превысило число рождений в 1999 г. и на 28,6 % превысило число рождений в 2006 г. На протяжении 2007–2011 гг. доля внебрачных рождений постоянно снижалась и составила в 2011 г. 24,6 % от общего числа рождений.

Для России характерно более раннее материнство, чем для стран Западной Европы. Найнал (1965) писал в свое время о линии Петербург – Триест, к востоку от которой наблюдались более ранние, а к западу – более поздние браки. Эти различия носят устойчивый характер. Средний возраст рождения ребенка в России составлял в 2011 г. 27,7 года (Демографический..., 2012, с.166), тогда как во Франции 30,0 года, в Испании 31,2 года³. Тем не менее с середины 1990-х гг. наблюдается явная тенденция к «старению» материнства (рис. 2).

Рис. 2. Средний возраст матери при рождении ребенка и первого ребенка в России в 1979–2011 гг.

Источники: (Демографический..., 2012, с. 166); (Население..., 2011, с. 108).

Два типа теорий: российские особенности в глобальном контексте

Снижение рождаемости, с очевидностью обозначившееся в России в 1960–1970-е гг., потребовало теоретического осмысления. Этот процесс, начавшийся в 1980-е гг. и

² Данная оценка исходит из предположения о том, что темп прироста суммарного коэффициента рождаемости в 2012 г. к 2011 г. равен темпу роста численности родившихся за тот же период.

³ Бюллетень «Население и общество». Электронный ресурс. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb.php>.

продолжающийся до настоящего времени, тесно вписан в глобальный теоретический контекст, на котором следует остановиться особо. Как известно, в осмыслении истории издавна соперничают две философские школы. Одна представляет всемирную историю как единый процесс, трактуя особенности различных цивилизаций как нечто второстепенное. Другая, напротив, акцентирует внимание на этих особенностях, придавая им первостепенное значение. Обе школы лежат в основе более частных социологических и демографических теорий, появляющихся на свет для того, чтобы дать ответ на злободневные вопросы современности.

На протяжении большей части второй половины XX столетия в рассматриваемой области господствовали теории, абстрагировавшиеся от цивилизационных различий. В социологии к ним в первую очередь относятся теории модернизации и вестернизации, в демографии – тесно связанные с ними концепции первого и второго демографического перехода. Однако ближе к концу столетия стало очевидным, что эти концепции не дают ответа на многие актуальные вопросы современности. В результате возник ряд экономических, социологических и междисциплинарных концепций, уделяющих цивилизационным различиям основное внимание.

D. North (1990) исследовал причины, по которым одни и те же меры экономической политики дают разную отдачу. North видит причины этих различий в институтах (*institutions*) – формальных и неформальных «правилах игры», по которым живут те или иные общества.

Теория множественности современностей (Eisenstadt, 2000) бросила вызов воззрениям, согласно которым в мире существует только одна форма современности – западная. Сторонники этой теории исходят из того, что в сегодняшнем мире сосуществуют множество форм современности, и западная форма – лишь одна из них.

Множественность форм современности предполагает и ее «неевропейская концептуализация» (Mouzelis, 1997). Отталкиваясь от парсонсианской схемы AGIL, Mouzelis показал на примере модернизации в Китае, Японии и странах Юго-Восточной Азии возможность различных вариантов субординации ее составных элементов и, в частности, доминирования высокоадаптивной экономики и традиций, обеспечивающих интеграцию общества, над либеральными ценностями и демократическим представительством.

Особую позицию занимает Martinelli (2005), по мнению которого, степень конвергенции или сближения современностей выше, чем полагают сторонники концепции нескольких современностей. В то же время, считает Martinelli, в развивающихся странах происходит непрерывный процесс отбора, интерпретации и переформулирования идей, заимствованных из современной западной цивилизации.

В работах Кирдиной говорится о двух институциональных матрицах: X-матрице, доминирующей в России, Азии и Латинской Америке, и Y-матрице, доминирующей на Западе. В первой централизованное государственное управление и перераспределительные экономические институты играют большую роль, чем во второй. Кроме того, X-матрица основана на приоритете коллективных интересов над индивидуальными, тогда как для Y-матрицы ключевое значение имеют «институты субсидиарной идеологии, закрепляющие приоритет "Я" над "Мы", примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня» (Александров, Кирдина, 2012, с. 9). При этом, по мнению данных авторов, дополнение базовых институтов одной матрицы базовыми институтами другой должно быть дозированным, ибо недостаточное заимствование «чужих» институтов ведет к стагнации, а избыточное – к социальным потрясениям и революциям (Александров, Кирдина, 2013, с. 72).

Сравнительный анализ социальной политики (Esping-Andersen, 1990) показал, что даже в пределах западного мира издавна сложились различные модели социальной политики. Государство благосостояния в странах Северной и Западной Европы является более щедрым, чем в Южной Европе и Северной Америке.

Развитие теоретической мысли в социологии и в демографии было в рассмотренном периоде ассиметричным. В отличие от социологии доминирующее значение в демографии по-прежнему занимают теория демографического перехода и теория второго демографического перехода. Первая из них описывает всемирный процесс перехода от высокой к низкой рождаемости и смертности и пытается объяснить детерминанты этого процесса. Вторая не только описывает ценностные изменения, лежащие в основе новой модели демографического поведения в Западной и Северной Европе, - более раннего сексуального дебюта, роста внебрачных союзов и внебрачных рождений, но и рассматривает их как модель будущих изменений в других регионах Земли.

Согласно Van de Kaa (1996, p. 425), «рост доходов, а также экономическая и политическая безопасность, которые обеспечивают своим гражданам страны с благополучной демографической ситуацией, запустили "тихую революцию" – движение в "постматериалистическом направлении" (А. Маслоу), когда индивиды воспринимаются такими, какие они есть, а вопросы о разводах, абортах, сожительстве, стерилизации и добровольной бездетности решаются самими индивидами и супружескими парами». В последующих работах (Surkin, Lesthaeghe, 2004; Lesthaeghe, 2010) второй демографический переход рассматривался как разворачивающийся процесс, охватывающий всё более широкий географический ареал. При этом отличия от первоначального северо- и западноевропейского образца трактуются как вариации в рамках второго демографического перехода. Теории

первого и второго демографического перехода, таким образом, трактуют глобальное демографическое развитие как однолинейный процесс, в авангарде которого идет западный мир, а остальные регионы Земли следуют с большим или меньшим отставанием в его фарватере.

В демографии, в отличие от социологии, теории, акцентирующие внимание на особенностях развития отдельных регионов, менее развиты. Следует, однако, отметить триаду МакНиколла (McNicoll) *legacy, policy, circumstances*, позволяющую установить роль «зависимости от колей», институтов, политики и внешних обстоятельств в изменении рождаемости (McNicoll, 2009). В ряде работ показаны отличия южноевропейского типа семьи, для которого характерны сильные внутрисемейные связи, от северо- и западноевропейского типов, где такие связи ослаблены (Granoveter, 1973). Reher (2003, p. 221) подчеркивает устойчивость таких различий, отмечая, что «силы, определяющие современный мир и являющиеся общими для большинства во всех обществах, оказываются не единственными факторами, влияющими на эти общества в силу наличия уникальных исторических особенностей каждого общества, которые также делают вклад в формирование образа настоящего и будущего». Имеется немало работ, в которых предложены интересные теоретические объяснения особенностей рождаемости в отдельных регионах Земли, например, в Южной Европе (Dalla Zuana, 2001; Micheli, 2000).

Большинство российских исследователей также акцентировало внимание на общих чертах изменений рождаемости в России и развитом мире. При этом, однако, обозначились две принципиально различные теоретические позиции: одна, занимаемая сторонниками теорий демографического перехода, другая – сторонниками концепции снижения потребности в детях.

Первая из них опиралась на теорию демографического перехода, занимавшую к тому времени доминирующее положение в западной демографии. В работах Вишневого было развито одно из направлений этой теории – концепция демографического гомеостаза (Вишневский, 1982). Согласно Вишневскому, попытки повысить рождаемость в отдельно взятом государстве – будь то Россия или страны Запада – бесперспективны, ибо идут вразрез с общепланетарными процессами. Снижение рождаемости, независимо от того, о какой стране идет речь, полагают сторонники данной позиции, является частью саморегулирования сложной самоорганизующейся системы, которую представляет собой планета Земля. Механизм такого саморегулирования состоит в том, что все жители Земли получают одни и те же информационные сигналы, в силу чего и реагируют на них одинаково – снижают рождаемость (Демографическая..., 2006, с. 547).

Несколько по-иному вписывает снижение рождаемости в России в мировой демографический контекст Захаров (2002, 2006). По его мнению, стержнем снижения рождаемости в России является процесс второго демографического перехода. Теория второго демографического перехода описывает и объясняет изменения в сфере сексуального поведения, семьи и рекреации, начавшиеся в 1970-е гг. в Северной и Западной Европе. Важной частью таких изменений стало резкое уменьшение контроля государства над процессами в данной сфере: отмена ограничений на распространение и пропаганду контрацептивов, либерализация законодательства в отношении производства аборт, упрощение процедуры развода. Концепция второго демографического перехода является теоретическим осмыслением этих изменений, в силу чего для ее сторонников характерно весьма скептическое отношение к государственной демографической политике.

Практическим выражением концепций демографического перехода стал проект государственной семейной политики, предложенный сторонниками данной точки зрения в последние годы существования СССР и воспроизведенный ими десятилетие спустя. Этот проект исходил из того, что «государство... не проводит ни пронаталисткой, ни антинаталистской политики» (Население..., 2000, с. 166). При разработке действующей в настоящее время Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. данный подход был отвергнут. В соответствии с указанной концепцией демографическая политика Российской Федерации направлена на рост рождаемости (Концепция..., 2007).

Теория снижения потребности в детях (Антонов, 1980, 2009; Борисов, 2009) является во многих отношениях альтернативной по отношению к теориям демографического перехода. По мнению Антонова, Борисова и их сторонников, снижение потребности в детях является крайне опасным для общества процессом, ведущим в перспективе к полной бездетности. Этот процесс, в свою очередь, обусловлен отмиранием центральной роли семьи и семейных ценностей в жизни современного «общества потребления». По мнению сторонников данной концепции, «общество может добиться торможения кризиса семьи и рождаемости на приемлемом для себя (но искусственно поддерживаемом!) уровне. И оно обязательно добьется этого рано или поздно» (Антонов, 2009, с. 71). Известный российский демограф В. Борисов (1933–2005) в статье, размещенной в интернете в 2005 г., незадолго до активизации российской демографической политики, подчеркивал, что «без активной пронаталистской политики в России рождаемость в России не повысится никогда» (2009, с. 93).

В отличие от сторонников теорий демографического перехода, сторонники теории снижения потребности в детях выступают за активную демографическую политику

государства. Главной целью такой политики, с их точки зрения, должны быть изменения в системе ценностей, господствующей в современном обществе, и формирование социально-психологической потребности в третьем и четвертом ребенке. Меры экономического стимулирования, полагают они, полезны, однако сами по себе не могут переломить снижение рождаемости, ибо его причины лежат за пределами экономики.

Несмотря на принципиальные различия между теориями второго демографического перехода и уменьшения потребности в детях, у них есть и общие черты. Во-первых, обе они фокусируют внимание на глобальных процессах, считая, что особенности отдельных стран не имеют принципиального значения. Во-вторых, они сосредотачивают внимание на эволюции семьи, уделяя значительно меньшее внимание роли государства. В-третьих, обе теории оперируют значительными по длительности (полувекowymi и более) временными интервалами. В-четвертых, они не уделяют значительного внимания особенностям демографического поведения отдельных групп населения. Наконец, в-пятых, обе теории, в силу названных особенностей, не уделяют сколько-нибудь значительного внимания практическим шагам, связанным с экономическим стимулированием рождаемости и развитием инфраструктуры ухода за детьми, а также влиянию краткосрочных экономических изменений и демографической политики на рождаемость.

Государство, демографическая политика и рождаемость в современной России

В силу названных теоретических расхождений, в российской научной литературе существуют различные трактовки того, как демографическая политика влияла на изменения рождаемости в России в рассматриваемом периоде. Различие трактовок проявляется уже при оценке итогов демографической политики СССР в 1980-е гг. Ряд авторов полагает, что такая политика «с точки зрения общего повышения рождаемости» принесла эффект «едва отличающийся от нуля со знаком плюс» (Захаров, 2006, с. 63) и выразилась главным образом в сдвиге рождений на более ранние сроки. Отсюда делается вывод, что любые усилия повысить рождаемость с помощью мер государственной демографической политики бесперспективны.

Сторонники данной точки зрения обычно используют для аргументации своей позиции когортный анализ и суммарный коэффициент рождаемости в реальных поколениях. На наш взгляд, подобный подход методологически небезупречен. Репродуктивный период женщины длится, если отбросить очень ранние и очень поздние рождения, около 25 лет. Расстояния между поворотными точками российской политической и экономической истории были в

рассматриваемом периоде намного короче. Так, производившиеся с 1981 г. выплаты матерям, находившимся в частично оплачиваемых отпусках по уходу за ребенком, к концу 1980-х гг. были в значительной степени обесценены инфляцией, 1990-е гг. были периодом трансформационного шока, в 2000–2006 гг. экономическая ситуация быстро улучшалась, однако демографическая политика носила в основном декларативный характер и лишь в 2007 г. снова резко активизировалась. В результате репродуктивный период каждой когорты охватывал как благополучные, так и трудные времена и, кроме того, периоды, в которые демографическая политика была более и менее активной. Ввиду этого суммарные коэффициенты рождаемости в реальных поколениях представляют собой средние, взвешенные по числу «тучных» и «скудных» лет, и в силу этого не могут рассматриваться как адекватные измерители эффекта демографической политики, осуществлявшейся в тот или иной период.

«Возможно, – полагает Захаров, оценивая результаты демографической политики 1980-х гг., – для женских когорт 1955–1965 г. р. эффект мог бы быть и выше, если бы они свой третий десяток лет прожили в более спокойной социально-экономической атмосфере, чем та, которая сложилась в 1990-х гг.» (Захаров, 2006, с. 63–64). То же, однако, можно сказать и о когортах женщин, родившихся после 1965 г.: если бы демографическая политика 1980-х получила продолжение и развитие в 1990-х и первой половине 2000-х гг., то итоговое число рождений в них было бы более высоким. При таком развитии событий эффект демографической политики был бы столь ощутимым, что демографической ямы, в которой оказалась страна в 1990-е гг., не было бы вовсе.

На наш взгляд, эмпирические данные, приведенные в первом разделе данной главы, свидетельствуют о том, что влияние государства на рождаемость в России было в рассматриваемом периоде весьма существенным. Наиболее быстрый рост суммарных коэффициентов рождаемости для условного поколения наблюдался в периоды, когда политика государства в области рождаемости носила наиболее активный характер: в 1981–1987 гг. и в 2007–2012 гг. Напротив, в периоды, когда такая политика была главным образом декларативной и не сопровождалась масштабными мерами финансовой поддержки семей, рождаемость снижалась или росла очень медленно.

Авторы, скептически оценивающие возможности демографической политики, склонны рассматривать демографическую политику СССР 1980-х гг. как изолированный эпизод. На наш взгляд, такая политика была скорее успешно начатым экспериментом, прерванным драматическим поворотом истории и возродившимся после того, как экономические условия стали более благоприятными. В пользу такого вывода свидетельствует очевидное сходство демографической политики СССР в 1980-е гг. и современной российской демографической

политики. И в том, и другом случае главную роль в такой политике играет центральное правительство, роль региональных властей оказывается хотя и существенной, но значительно меньшей, а роль общественных организаций – незначительной. Ключевым элементом как советской, так и российской политики являются денежные выплаты, а основным их адресатом и получателем – мать, и лишь в исключительных случаях отец или сам ребенок. И в первом, и во втором случаях вслед за введением экономических стимулов наблюдался рост рождаемости.

Устойчивость подобной модели демографической политики в условиях как плановой, так и рыночной экономики, на наш взгляд, неслучайна. С одной стороны, подавляющее большинство россиян считают, что именно государство обязано принимать меры, направленные на повышение рождаемости в стране – такую точку зрения, судя по опросам фонда «Общественное мнение», высказали в 2006 г. 86 % респондентов, в 2011 г. 81 % (Ситуация..., 2011). Результаты социологического обследования «Семья и рождаемость», проведенного Росстатом в сентябре-октябре 2009 г., свидетельствуют о том, что, по мнению большинства россиян, улучшение демографической ситуации требует весьма ресурсоемких мер демографической политики: выплаты материнского капитала, предоставления жилищных субсидий и т. д. (Зверева, 2012). С другой стороны, такие меры, ввиду их масштабности, могут быть осуществлены лишь на основе доходов федерального бюджета, а доведение выплат до конкретных адресатов даже чисто технически возможно лишь при главенствующей роли государства.

Рассматривая вопрос с более общих позиций, можно предположить, что демографическая политика, в центре которой находится государство, является в конечном счете закономерным следствием структурных особенностей российского общества, в структуре которого институты централизованного государственного управления всегда играли большую роль, чем на Западе. Более того, несмотря на очевидные отличия современного российского общества от советского общества 1980-х гг., факторы, определяющие центральную роль государства в реализации демографической политики, не претерпели существенных изменений.

Очевидно, однако, что, несмотря на закономерность сложившейся к настоящему времени модели демографической политики, она нуждается в дальнейшем развитии. Хотя демографическая политика должна осуществляться при главенствующей роли государства, ее осуществление *только* государством имеет ряд недостатков. К их числу относятся в первую очередь недостаточное использование потенциала активности граждан и некоммерческих организаций; а также недостаточное вовлечение в реализацию политики работодателей и муниципальных властей. Таким образом, дальнейшее развитие

демографической политики должно быть связано не только с наращиванием ее финансирования, но и с вовлечением в ее разработку и реализацию более широкого круга социальных акторов.

Социальные различия в детерминантах изменения рождаемости

Как известно, теория второго демографического перехода уделяет мало внимания социальной и этнической неоднородности общества. Отчасти это определяется тем, что данная теория создавалась в период, когда численность иммигрантов из развивающихся стран в развитых странах была значительно меньше, чем сейчас. Игрет свою роль и то, что данная теория уделяет процессам конвергенции большее внимание, чем процессам дивергенции.

Сторонники теории второго демографического перехода полагают, что основным направлением изменений рождаемости в России является движение в сторону западных образцов. На мой взгляд, этот процесс носит более сложный характер. Наблюдаемые в России изменения в характере формирования семьи отнюдь не сводятся к движению в направлении западноевропейских паттернов демографического поведения. Более того, они вообще не являются «переходом» в смысле движения от одной наиболее распространенной в данный момент модели семьи к другой, которой еще предстоит стать самой распространенной. В действительности наблюдаются лишь определенные сдвиги в распространенности тех или иных паттернов демографического поведения и типов семей, при этом каждый из них продолжает оставаться социально значимым.

Об этом, в частности, свидетельствует динамика и региональная вариация брачной и внебрачной рождаемости в России. Если бы распространение внебрачной рождаемости определялось главным образом сдвигом в сторону «постматериалистических» ценностей, о которых говорит теория второго демографического перехода, то можно было бы ожидать прямой корреляции между уровнем социально-экономического развития региона и долей внебрачных рождений. Однако в действительности такая корреляция является обратной (рис. 3). Данные по 84 субъектам Российской Федерации за 2011 г. свидетельствуют о тесной отрицательной корреляции ($r = -0,78$) доли внебрачных рождений с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (*life expectancy at birth*) (рассчитано по: Демографический..., 2012, с. 99–105, 168–174). Ожидаемая продолжительность жизни при этом определяет региональную вариацию доли внебрачных рождений на 60,2 %. Доля внебрачных рождений в Москве и Санкт-Петербурге – городах, где упоминаемый теорией второго демографического перехода сдвиг потребностей в сторону «масловского постматериализма», – казалось бы, должен быть наиболее сильным, составляла в 2011 г.,

соответственно, 20,9 и 21,9 %, что ниже, чем в среднем по России (24,6 %) . В городской местности, которая традиционно считается более продвинутой по шкале постматериалистических ценностей, доля внебрачных рождений – 23,8 % – ниже, чем в сельской – 28,6 % ((Демографический..., 2012, с. 168–174). Таким образом, внебрачная рождаемость в России в немалой степени связана с социальным и экономическим неблагополучием, индикатором которого является низкая продолжительность жизни.

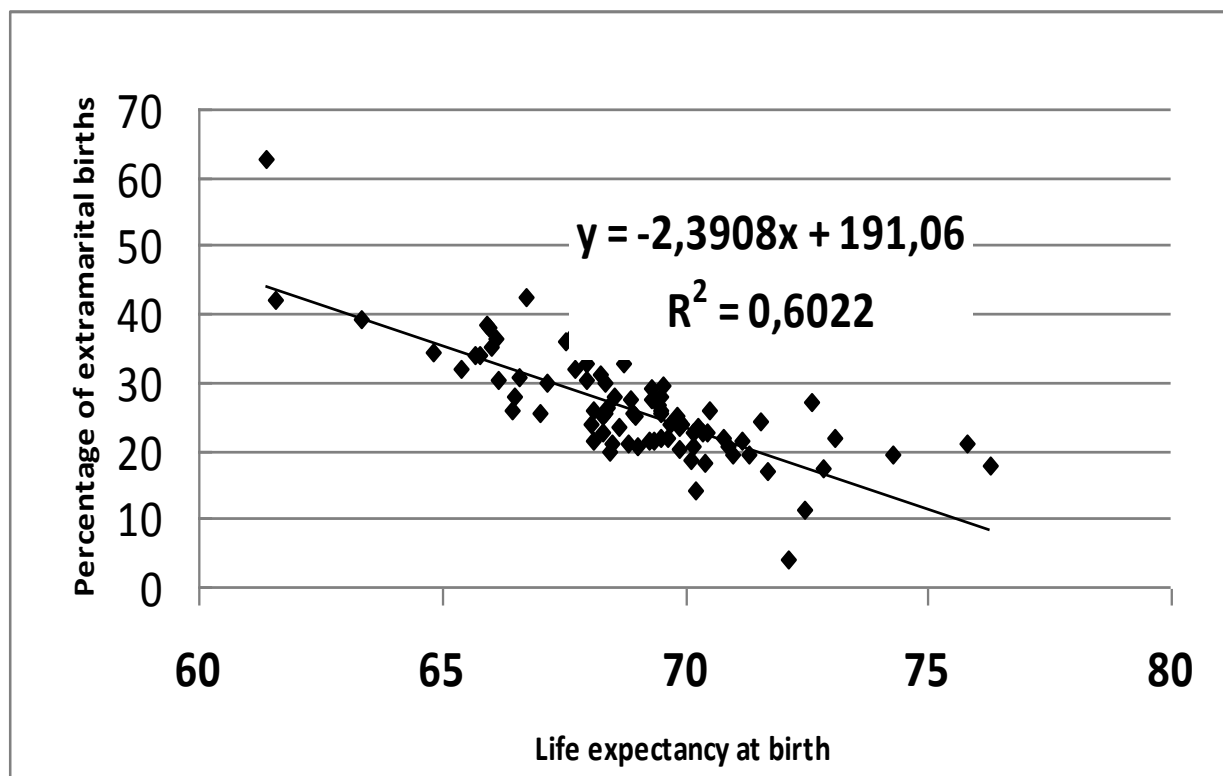

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни и процент внебрачных рождений в субъектах Российской Федерации в 2011 г.

Источник: (Демографический..., 2012, с. 99–105, 168–174)

Об этом же свидетельствуют и результаты, полученные на основе индивидуальных биографий (Perelli-Harris, Gerber, 2009). По их данным, в России более высокая внебрачная рождаемость типична для менее образованных женщин. Это обусловлено тем, что вероятность вступления в брак после внебрачного зачатия у этой группы женщин меньше, чем у женщин с более высоким уровнем образования.

Не следует сбрасывать со счетов и устойчивые национальные и религиозные традиции – доля внебрачных рождений в республиках Северного Кавказа, традиционной религией которых является ислам, заметно ниже, чем по России в среднем, тогда как в сельском населении Тывы, Бурятии и Хакасии значения этого показателя достигают, соответственно, 60,3, 42,7 и 40,5 % (Демографический..., 2012, с. 168–174).

Динамика брачных и внебрачных рождений в 1991–2011 г. также свидетельствует о многослойности этого процесса. Быстрый рост числа внебрачных рождений в период трансформационного шока в 1990-е гг. у одной части населения был связан с изменениями системы ценностей, описываемыми теорией второго демографического перехода, тогда как у другой – с нестабильностью семей, провоцируемой глубоким экономическим и социальным кризисом. По мере улучшения социальной и экономической ситуации в стране рост внебрачных рождений сначала замедлился, а затем стабилизировался и в последние годы сменился снижением (рис. 4). Прирост числа рождений в 2007–2012 гг., стимулированный мероприятиями демографической политики, произошел практически полностью за счет рождений в браке.

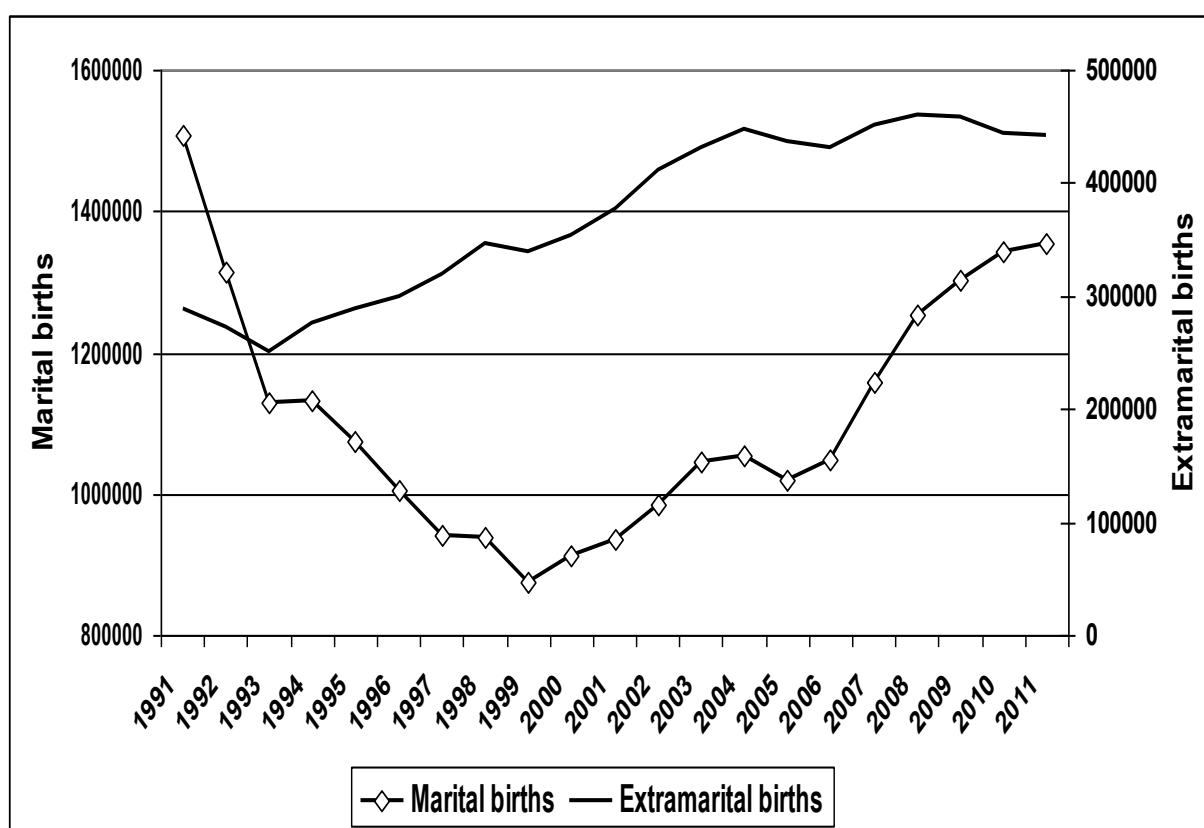

Рис. 4. Число брачных и внебрачных рождений в России в 1991-2011 гг.

Источник: (Социально..., 2012)

Ввиду всего сказанного, при проведении социальной и демографической политики в России неприемлемо заложенное в теорию второго демографического перехода разделение семей на «прогрессивные» – те, что руководствуются неконформистскими ценностями (Surkyn, Lesthaeghe, 2004) и обзаводятся ребенком ближе к 30 годам, – и все остальные. Демографическая политика в России должна быть дифференцированной, учитывать специфические потребности различных типов домохозяйств и обеспечивать справедливый баланс их интересов

Заключительные замечания

История объяснений современного демографического развития России на основе теории второго демографического перехода насчитывает к настоящему времени уже два десятилетия, что позволяет подвести ее предварительные итоги. Они, на мой взгляд, состоят в том, что указанная теория дает адекватное описание прокреативного поведения лишь определенной группы российского населения. Эта группа тем не менее не составляла на протяжении рассматриваемого периода его большинства. Более того, к настоящему времени нет сколько-нибудь убедительных свидетельств того, что она станет им в близком будущем.

Адаптация теории второго демографического перехода к специфике незападных обществ происходила в рассматриваемом периоде главным образом за счет расширения его первоначального определения. Теория второго демографического перехода в ее первоначальной версии была предназначена для описания процессов, происходящих в Северной и Западной Европе. В их описании неслучайно присутствовали «демократические государства всеобщего благосостояния», «укорененная снизу демократия» и «постматериалистические ценности». Речь шла не просто об изменениях значений демографических показателей (в этом случае вместо теории имел бы место комментарий к статистическому сборнику), а о сдвигах в системе ценностей, порожденных определенной социально-экономической средой и породивших новые паттерны демографического поведения. Подобная целостность теории и объекта, отражаемого ею, затрудняла ее использование для объяснения изменений, происходящих за пределами западных стран. Выход, на мой взгляд, иллюзорный, был найден в замене сторонниками данной теории первоначального определения понятия «второй демографический переход» иным, более широким.

В работах Захарова используются, например, несколько не совпадающих по объему определений второго демографического перехода. «В своем демографическом поведении, – предполагает он, – человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, "настраивая" индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств» (Захаров, 2002). «Второй демографический переход, – пишет Захаров, – связан с не менее фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека, чем первый переход: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потомства» (Захаров, 2005). Легко видеть, что ни в одном из

этих определений не упоминается «демократическое государство всеобщего благосостояния», а во втором не говорится уже и о «нематериалистических» ценностях. В еще более поздней работе Захарова речь идет уже просто об «эволюции рождаемости в развитых странах, называемой вторым демографическим переходом» (Zakharov, 2008, p. 250). В условиях, когда само определение второго демографического перехода становится всё более размытым, возникает опасность того, что дискуссия о сходстве эволюции рождаемости в России и других развитых окажется бесплодной.

На мой взгляд (Клупт, 2008, 2010, 2012; Klupt, 2011) более плодотворен иной подход. Российская современность – это современность иного типа, чем западная. Ее нельзя адекватно отразить, игнорируя теории, объясняющие западную современность, но в то же время нельзя объяснить, опираясь только на них. Фокус исследования должен быть перенесен на исследование социальных, политических, экономических и других механизмов, преломляющих глобальные и западноевропейские импульсы, сквозь призму российских институтов. Парадигма множества современностей (*multiple modernities paradigm*) и институциональный подход являются лучшей основой для решения этой задачи, нежели теория второго демографического перехода.

Два аспекта рассмотренной выше проблематики представляются при этом особенно важными. Во-первых, несмотря на существенные изменения роли государства в последние десятилетия, оно по-прежнему оказывает существенное влияние на демографические процессы в России. Из этого следует, что для их понимания необходимо, наряду с диадой «семья – рождаемость», рассматривать и триаду – «государство – семья – рождаемость». Во-вторых, первостепенное внимание следует уделить тому, как эволюция российского общества сказывается на прокреативном поведении различных социальных групп и его мотивационной основе. Для повышения эффективности демографической политики в России необходимо повышение ее адресности, основанное на лучшем понимании механизмов прокреативного поведения и нужд различных социальных групп российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Ю. И., Курдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 3–12.

Александров Ю. И., Курдина С. Г. Козэволюция институтов и ментальных моделей // Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований. Т.2. / Под ред. В. Б. Акулова. 2013. С. 69–81.

Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980.

Антонов А. И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) // Демографические исследования / Под ред. А. И. Антонова. М., МГУ. 2009. С. 68–80.

Борисов В. А. Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования / Под ред. А. И. Антонова. М., МГУ. 2009. С. 81–103.

Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006.

Демографический ежегодник России. 2012: Росстат. М., 2012.

Захаров С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. М., 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html.

Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.

Захаров С. В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // СПЭРО. 2006, № 5: С. 33–69.

Зверева Н. В. Отношение населения к мерам демографической политики: региональный аспект // Региональная демографическая политика / Под ред В. В. Елизарова и Н. Г. Джанаевой («Демографические исследования», вып. 20). М., 2012. С. 110–128.

Клупт М. Демография регионов Земли. СПб., 2008.

Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010, № 8. С. 60–71.

Клупт М. А. Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012, № 2. С. 66–77.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351).

Население России 2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. Восьмой ежегодный демографический доклад. М., 2001.

Население России 2009 / Под ред. А. Г. Вишневского. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2011.

Ситуация с рождаемостью. База данных ФОМ. 28.04.2011. Электронный ресурс. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d111719> (дата обращения 04.10.2012).

Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2011 гг.

(приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2012») / Росстат. Электронное издание. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016.

Dalla Zuana G. The Banquet of Aeolus. Familistic interpretation of Italy's lowest low fertility. *Demographic Research*, 2001, Vol.4, article 5.

Eisenstadt S. Multiple modernities // *Daedalus*; Winter 2000. Vol. 129. № 1.

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.

Granoveter M. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973, № 78(6). P. 1360–1380.

Hajnal J. European marriage pattern in historical perspective in D.V. Glass and D.E.C. Eversley, (eds.) *Population in History*. 1965. P. 101–146.

Klupt M. Demographic Changes as a Multi-Choice Process: Role of the Regions. In Iontzev et al. (eds). *Demographic developments: challenges of globalization (The sevenths Valenteevskiye Chteniya)*. International Conference. Moscow, 2012. P. 602–613.

Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 2010, № 36(2). P. 211–251.

Martinelli A. *Global Modernization. Rethinking the Project of Modernity*. Sage publications. 2005.

McNicol G. Legacy, policy, and circumstance in fertility transition // *Population and Development Review*. № 35 (4). December 2009. P. 777–795.

Micheli G. Kinship, Family and Social Network. The anthropological embedment of fertility change in Southern Europe. *Demographic Research*, 2000, Vol. 3, article 13.

Mouzelis N. Modernity: A non-European conceptualization // C. Keyder (ed.) *Tradition in Modernity. Southern Europe in Question // Proceedings of the ISA Regional Conference for Southern Europe*. Istanbul. June 20–21 1997. P. 25–44.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, 1990.

Perelli-Harris B., Gerber T. Non-marital Childbearing in Russia. Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage // MPIDR WP 2009 – 007, March 2009.

Reher D. Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts // *Population and Development Review*. 1998, June, № 24(2). P. 203–234.

Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update. Demographic Research special collection 3, article 3, 2004.

Van de Kaa D.J. Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Populations Studies*. 1996, vol. 50. P. 389–432.

Zakharov S. Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research (электронный журнал)*. 2008. Vol. 19, article 24.